

Памяти Антона

Мы были дети 1812 года.

Матвей Муравьев-Апостол

*Челобитная Митрополиту Тобольскому
и Сибирскому преосвященному Антонию иеромонаха
Мисаила духовного приказа Вознесенского монастыря об
удалении от монастыря умалишенного N.*

1794 года апреля 27 дня.

Ваше высокопреосвященство, премилосердый отец наш!

Покорнейше прошу благоволить к нижайшей просьбе моей, учинив отеческое милосердие. Согласно указу всемилостивейшей Государыни нашей, принимаем мы в обители до десяти заблудших души мужского полу в не целом уме для духовного исцеления и вразумления.

Так, прошлым сентябрем привезен был к нам человек средних лет, наружностью и манерами весьма приятный, большой охотник до игры в шахматы, чем сразу и расположил к себе отца игумена. Не отказываясь от монастырской работы, человек этот мало-помалу спознался с крестьянами окрестных деревень, давая им советы простые и дельные. И вскоре прошел слух о великой мудрости оного, и так о двадцати человек за день приходили под окно его кельи. Но к кому приходили они? Не к монастырскому травнику и не к его преподобию, а к безумцу! Однако ж, установив плату за свои советы по десять копеек медью, сей последний весьма помог скудной монастырской кассе, и, стыжусь признаться, мы с отцом игуменом были весьма довольны столь неожиданному источнику дохода нашей скромной обители.

Третьего же дня, после повечерия, отец игумен, вернувшись к себе в келию, совершил немислимое: выпрыгнул в окно с веревкою вокруг шеи и через то повесился. Невозможно и представить себе, как сей пастырь, столь чистый духом и помыслами, позабыл о святом служении и совершил грех, равного которому нет.

Позор, навлеченный на обитель чрез оное деяние, безмерен, и сам я таковым внезапным, какового во всю жизнь мою со мною не случилось, несчастьем столь поражен был, что несколько времени провел в беспамятстве. А пришед в себя, самолично осмотрел келию игумена и не нашел в ней ничего, что могло бы повлечь за собой проступок столь страшный. Его преподобие не получал в тот день писем, и единственное, чем занял свой невеликий досуг, — игрою в шахматы. Шахматная доска с неоконченною партией осталась стоять на столе, а принюхавшись, мне почудился в воздухе аромат лавандовой воды, коей, пренебрегая монастырским запретом, пользовался N. Впервые, по слабому рассуждению моему, пришла мне мысль присмотреться поближе к нашему новому постояльцу, у коего не приметил я по сию пору ни единого признака повреждения рассудка.

Ныне же, отправившись по хозяйственной надобности в селение, ближайшее к обители, выслушал я старосту — и похолодел. В том селении за единый месяц первый мужик заколол рогатиной отца своего, второй удушил кушаком жену, третий же до смерти прибил малолетнего сына-калеку. Ужас объял все естество мое, Ваше высокопреосвященство, егда узнал я, что оные трое душегубов бывали в нашей обители, где получали советы от безумца.

Воротившись, сыскал я последнего в курятнике за кормлением птицы. Подошел, взял за руку (а была она холодна, точно смерть) и спросил со всею строгостию:

— Отчего лишил себя жизни отец игумен?

Безумец же, подняв на меня недвижны очи, сощурил вдруг один глаз, оскалился, аки пес, и рек:

— Il a perdu¹.

¹ Он проиграл (фр.).

ГЛАВА 1

В Польше хлеба больше.

Поговорка

Князь настоял, а княгиня не смела перечить. — Негоже подарки государевы оставлять без присмотра, — горячится погожим майским днем двенадцатого года его сиятельство: в этот день Джон Беллингем стреляет в английского премьер-министра. Там же, в палате лордов, заседает Джордж Гордон Байрон, опубликовавший пару месяцев назад первые песни «Паломничества» Чайльд Гарольда. Четвертый президент Американских штатов собирается объявить Англии вторую войну за независимость. Плачет в своей лэндпортской колыбели младенец — Чарльз Диккенс. Бетховен пишет Седьмую и Восьмую симфонии, братья Гримм готовят к выходу том волшебных сказок. Мэтью Мюррей строит первый коммерческий паровоз для Мидлтонской железной дороги, а в Стаффордшире Томас Веджвуд — человек, чья фамилия известна князю и княгине лишь по прелестным фарфоровым чашкам, уж десять лет как трудится над созданием будущей фотографии...

Но сидящая напротив супруга княгиня вряд ли доживет до своего дагерротипного изображения (да и зачем оно нам — темное, не оставляющее пространства воображе-

нию?), навсегда оставшись в веке полупрозрачной акварели. Она опускает глаза, отказываясь озвучить тайную причину своего нежелания ехать в Трокский уезд, а князь все говорит и говорит — да все не то, что хочет услышать супруга (весьма частый случай частного супружеского бытия).

Через полуоткрытое окно деревянного особняка в переулке близ Большой Дмитровки майский ветер доносит запах сирени из сада и дубленых кож — с Охотного ряда. Густо пахнет и навозом — но вонь эта является парфюмерной константой любого крупного города эпохи, и нос княгини даже не отмечает ее, как не чувствует загазованного воздуха современный москвич.

— А что доход маловат в сравнении с великоросскими деревнями, — продолжает излагать ненужное его сиятельство, — так забрось, как ляхи, имения, оставь арендаторам и останешься сам — с носом. *Sublāta causa, tollitur morbus.*¹ Без хозяина и дом — сирота (как многие просвещенные дворяне, князь с легкостью женит латынь с народной мудростью).

Княгиня же, перебирая унизанной кольцами рукой домашнее свое платье, размышляет не о хозяйственных нуждах его сиятельства, а о своих, знакомых матерям каждой девицы на выданье, обязанностях. Она знает — нынче летом государь, а значит и весь императорский двор, будет в Вильне. А дочь ее, княжна Авдотья, вздыхает Александра Гавриловна, выезжает четвертую зиму, однако успехи ее в свете, увы, невелики. Скромнее, чем ожидала княгиня, учитывая положение семьи и даваемое за княжной при-

¹ С устранением причины устраняется болезнь (*лат.*).

даное. За масленичные балы княгиня смирилась было с тем, что дочери не суждено составить блестящую партию. Однако возможность сойтись с лучшими петербургскими фамилиями в обстановке, далекой от столичной чопорности, вновь оживляет ее матримониальные мечты: она переводит серые прозрачные глаза свои на князя и он наконец читает в них согласие.

— Вот и славно, княгинюшка, вот и славно, — целует он супругу в еще нежно-розовую со сна щеку и быстро — покамест та не передумала — выходит из гостиной.

* * *

И никто, никто не потрудится объяснить Александре Гавриловне, что ежели государь и доберется до дальних и пыльных границ безбрежной своей империи, то лишь оттого, что многолетние слухи о войне с Буонапартом подтвердятся. А значит, и Вильна, и все западные губернии окажутся на самом что ни на есть передовом рубеже наполеоновской армии. Впрочем, сам князь следом за графом Федором Васильевичем был свято убежден, что войне с «Буонапартием» не бывать. Давние приятели по Англицкому клубу, Ростопчин с Липецким с неделю как со вкусом обсуждали выгодный мир с турками: Бессарабия присоединена к России, гордый росс, как исстари, встал на берегах Дуная. Мир, мир!

А Буонапарте — что?

— Не хватит у корсиканского выскочки наглости замахнуться на Россию-матушку, — повторяет то и дело князь. — Чай, не наполетанское королевство — откуси да выплюни.

«И не Пруссия, Австрия, Португалия и Италия», — начнет перечислять сидящая рядом с французским романом дочь его Авдотья. Но только про себя. Одно перечисление успехов «маленького капрала» приводило у старшего Липецкого к разлитию желчи и дерганью старой, полученной в турецкой же кампании, колотой раны в правой ляжке. «Далеко шагает, пора унять молодца!» — цитирует он старика Суворова, заканчивая сими златыми словами любые дискуссии о Буонапарте.

А Авдотье (как, впрочем, любой барышне ее круга) был симпатичен свежеиспеченный император: вознесшись ниоткуда, он усмирил революцию и покориł полмира, а покорив, бросил его к ногам вдовы Богарне. Помилуйте, есть ли на свете что-нибудь романтичнее? Наполеону повезло быть воплощением романтического героя в эпоху культивирования романтизма, — заметим, два с лишним века спустя никто из полководцев так и не смог его в том переплюнуть. И пусть развод двух любящих сердец немало нашу княжну опечалил, но (как писала Авдотья сердечной подруге Мари Щербицкой) трагедия императора в том и состоит: прежде вынужден он думать о процветании подвластной ему империи, и лишь засим — о личном.

Тем временем из Петербурга, из кругов, весьма близких к Аничкову, плыли в старую столицу эпистолярные сплетни: мол, сам государь Александр Павлович дважды отказал Буонапарту в супружеском — и морганатическом! — счастье. Сначала в руке великой княжны Екатерины, а два года спустя и великой княжны Анны, спешно обрученной с принцем Оранским, — лишь бы не досталась наглому корсиканцу. И об этом тоже жале-

ла Авдотья, ибо сей отказ полностью рушил ее надежды увидеть блестящего Буонапарте среди ликующей толпы где-нибудь неподалеку от Успенского собора. О пышной императорской свадьбе мечтала княжна, не о войне.

О войне она и не думала.

* * *

Сборы в имение каждый год повторялись с привычностью кошмара. Степенный московский дом Липецких перевернут был вверх дном — двигали мебель, снимали картины и зеркала, наполняли доверху дорожные сундуки. Княгиня металась по комнатам, вздымая юбками неизбежный при великом летнем переселении сор из оберточной бумаги, веревок и сена (им прислуга обкладывала посуду и хрупкие безделушки из гостиной). Теснились во дворе подводы — какие пустые, какие уже просевшие под господским скарбом. Перекрикивались с бестолковой в предотъездной суете дворней возницы. Жмурились, отмахиваясь от мух, разбитые лошади с подвод. Свесив языки и тяжело дыша, лежали под экипажами дворовые собаки.

А в господском доме беспрестанно что-то падало, звенело, хлопало. Хозяйская рука раздавала оплеухи щедрее обыкновенного. Николеньку с дядькой, от греха подальше отправили на прогулку по Тверскому, старшие же брат с сестрой сидели тише мышей на широком подоконнике отцовской библиотеки меж тяжелыми гардинами и зеленоватым оконным стеклом, деля меж собою крепкое берсдорфское яблоко. Они грызли яблоко, сохраненное с прошлого урожая в сухих и прохладных подвалах московского дома, и лишь переглядывались, услышав

особенно громкий маменькин взвизг: совсем юные, вчерашние дети — хоть одна, ежели завтра замуж навсегда оторвется от родимого дома, а второй не сегодня завтра отправится умирать за Отечество. Но покамест Алексей перелистывал любимых своих философов, а Дуня, сдвинув рыжие брови, вчитывалась в брошюрку некоей Олимпии де Гуж (опусы Олимпии, почти двадцать лет запрещенные во Франции, тайно были вывезены Алексеем на дне сундуков из Европы).

«О, женщины! Когда же вы прозрете? — читала княжна Липецкая, девятнадцати лет от роду, а молодой князь Липецкий, двадцати двух годов, прятал улыбку, видя ее озадаченное лицо. — Что получили вы от Революции? Или вы боитесь, что наши французские законодатели снова спросят: “Женщины, а что же у вас общего с нами?” — “Все”, — ответите им вы». Авдотья растерянно оглянулась на брата, но тот сделал вид, что крайне увлечен *Phänomenologie des Geistes*¹. Сдержав пораженный вздох, она вернулась к книге.

— «Довольно прятаться за спиной у мужчины! Что есть брак, как не могила доверия и любви?» — продолжала мятежная Олимпия. Дуня испуганно вздрогнула. Могила?! Доверия и любви?!

Тем временем за стеной библиотеки происходила сцена, вполне иллюстрирующая страстные воззвания мадам де Гуж. Утомленная сборами Александра Гавриловна в сердцах не удержалась и выдала не успевшему укрыться в Англицком клубе папеньке истинную причину своего

¹ «Феменология духа» (нем.) — работа Г.В.Ф. Гегеля.

нежелания отправиться на лето в бывшие польские земли — в Трокский уезд.

— Бесстыдники! — подбородок княгини дрожал от возмущения. — Вводят своих любовниц в порядочный круг, возят на балы!

Княгиня отчаянно ревновала: о ту пору полячки имели репутацию роковых соблазнительниц. А российские орлы — недавние покорители Польши — с легкостью ловились на крючок и вознаграждали себя за военные победы. Почитая (всуче) супруга отчаянным ловеласом, княгиня не желала вновь оказаться рядом с обольстительной приманкой. И пусть в барском доме и в ближайшей к дому деревне барыня «искоренила искуc», заселив их людьми из своего калужского имения, опасный соблазн так и витал в воздухе западных губерний.

— Ангел мой, Господь с тобою, — преодолевая некоторое сопротивление, князь прижал седеющую голову ее сиятельства к своей груди. И пока супруга что-то жарко шептала ему в бархатный жилет, замер, потерянно глядя в мертвый зев камина. Он знал, что сильно виноват перед женой. Но знал также, что амурные дела не имеют к его постыдной тайне никакого отношения. И что уж лучше прослыть ветреником, чем открыть своей Александрин страшную истину.

* * *

Наконец провожаемые толпой дворовых во главе со старой нянькой, со слезным поцелуем приложившейся к барынинному плечу, с Божьей помощью выехали со двора и медленно, вслед за такими же вереницами семейных помещичьих обозов покатались в сторону летних своих